

**ГОСУДАРСТВО И ТЕРРИТОРИЯ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕЙ¹**

Ключевые слова. Территория, государства, границы, межевание, полис, власть, номос, империя.

1. Раздел территории: номос и полис

На языке мифа земля зовется «матерью права», – утверждал Карл Шмитт. Она несет на себе линии разметки и олицетворяет собой внутреннюю меру и надежное основание. Земля несет на себе право как публичный знак порядка. Здесь соединяются пространство и право, порядок и локализация.

В древнейшие времена первые измерения и межевания территории были связаны с захватом земель и основанием городов. В истории древнего права захват создавал статус верховного собственника земли и являлся первейшим способом приобретения собственности. Если институт собственности (*dominium*) в дальнейшем развивался в рамках частноправовых отношений, то господство над территорией стало означать публичную власть (*imperium*) в ее публично-правовом значении. Уже после Дж. Вико, полагавшего, что первое право поступает к людям от их героев в виде аграрного закона, правоведы XVIII века стали связывать сущность самой

© Исаев И.А., 2012.

* Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина. [kigp@msal.ru]

¹ Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития МГЮА имени О.Е. Кутафина; НИР «Территориальная организация публичной власти», проект № 2.4.1.1.

политической власти с ее юрисдикцией над землей, т.е. территорией². Соответственно такое господство распространялось и на людей, проживающих на данной территории.

Размеренная и разделенная земля превращалась в субстанцию властвования, степень могущества определялась размерами земельных пространств, находившихся в собственности властителя. Со временем и численность населения этих земель стала играть важную роль в квалификации мощи формирующихся государственных образований, составляя их физическую силу. Размеры государств-полисов и племенных поселений указывали на степень их политической и военной значимости.

Древнегреческий полис – одна из первых конфигуративных форм, уже существовавших за счет локализации и очерчивания пространства, контролируемого публичными властями. Родовые традиционные территории подвергались здесь формальному (правовому) акту очерчивания и ограничения. Каждое территориальное образование (не только эллинское, но также азиатское и египетское) ощущало себя в качестве изолированного и замкнутого мира, как середину мира, космос или дом. (Пример критского Кнососа показывает, насколько сильным было стремление системно соединить различные пространственные элементы государства в пределах одной замкнутой и размеченной территории.) Все, что располагалось за границами этого пространства, воспринималось как хаос, курьез и территория, свободная для захвата и колонизации.

По легенде Ромул очертил границу будущего Рима, проделав борозду плугом. Круговая форма образующихся поселений была первичной и элементарной, подчеркивающей именно идею замкнутости и закрытости пространства со всех сторон. (Позднее распространенным знаком государственного могущества становится многомерная окружность – сфера.)

Территориальный раздел земли осуществлялся силами, которые сталкивались друг с другом все чаще и по мере освоения ими земного пространства. Города-государства образовывали союзы и сражались с врагом на все более расширявшейся и осваиваемой ими, но все еще дикой территории. Государственные режимы и правовые порядки полисов были факторами легитимирования для подобной территориальной экспансии.

Один греческий термин позволяет соединить проводимую полисами политику с объективными процессами деления и локализации земной поверхности. Это – номос. Под номосом (*nomos*) изначально понималась мера, в соответствии с определенным порядком делящая поверхность Земли, ее локализация и заданная этой мерой форма политического и религиозного порядка. (В качестве образа номоса чаще всего выступала символическая стена, которая также основывалась на сакральной локализации.) Номос казался

² Шмитт К. Номос Земли. СПб., 2008. С. 15–16.

способным к приращению, подобно стране или имуществу; кроме того, номос часто персонифицировался в образе царя, властителя, деспота и тирана³.

У Аристотеля номос указывал на изначальную взаимосвязь локализации и порядка, являясь одновременно составной частью конкретного пространственного измерения. Так, Ликург, посредством территориального размежевания земли и упразднения долгов, одновременно создавал и номос и политику (*politeia*): аналогичными были реформы Солона и Клисфена.

С закатом полисной политики и понятие номоса меняло свое содержание. Эпоха эллинизма открыла государствам новые широкие пространства и сформировала новые властные территориальные образования. Право войны было легализовано, а захват и присоединение новых территорий стало благородной целью нарождающейся империи. Македония показала пример и дала стимул будущим империям. Спонтанное деление мира закончилось. Все решала целенаправленная и устремленная в бесконечность сила, только поддержанная правом.

Аристотель утверждал, что задавать меру должен именно номос, а не постановления демократического народного собрания. Теперь номос воспринимался как обязательное должествование, норма и установление, приобретая тем самым значение легалистского основания для издания актов и способность принуждать к повиновению (К. Шмитт). Он утрачивал свое первоначальное значение и качество первоначального измерения, размежевания и классификации пространства, его первичного разделения и распределения. Теперь он мало чем отличался от разного рода постановлений, положений и предписаний, призванных установить руководство или господство. Его значение как фундаментального первичного права, конкретного порядка и локализации было забыто.

В своем очерке «Греческое государство» Ницше писал, что «город существует не иначе как в качестве растущего организма». Но без позитивным образом укорененного номоса всякое публичное право было бы обречено на призрачное существование. Укоренение номоса в пространстве полиса и его действенная весомость в этих границах проявлялась именно в образе божественного номоса, который в качестве корневого истока гарантировал порядок: этос указывал на длительную форму пребывания, номос же был связан с местом пребывания непосредственным образом.

2. Номос и закон

Если этос был свойственен нации, то номос – территории. Имперская государственность стала рассматривать номос только как относительное состояние, и территория перестала быть «почвой», органичной субстанцией

³ Шмитт К. Номос Земли. С. 46–52.

народа. В империи все смешалось в пестром культурном, этническом и религиозном культовом водовороте. Объединителем оставался только «федеральный» закон, и это понял Рим, завоевывающий мир силой своего права: номос теряет свой натуральный характер, взамен приобретая властную императивность.

Построение норм римского права осуществлялось по принципу «стоять над нациями», при этом претендуя на значимость для всего единого пространства империи, а традиционная локализация законов все менее связывалась с реальной действительностью. Способность римского *jus* действовать всегда и повсюду, не только в силу демонстрируемой мощи, но и в силу своей собственной внутренней оптимально разделенной структуры, повсеместно обеспечивало ему успех. В посюстороннем существовании номос неизбежно утрачивал свои корни: Августин показал, что именно «беспочвенность» представляла ту самую неуловимую силу, которая позволила христианству включать в свою орбиту любой народ, любое место и любое время.

В средневековой картине мира небесный Град блуждает по Земле, собирая народы и государства в единое Царство. Для него не существует каких-либо границ и наций. Универсализм христианства в отличие от земных империй не знал пределов и проникал повсюду, ведь он был не от мира сего. Земные империи, укорененные в «почве» и территории, явно уступали ему в универсальности, а следовательно – в действенности: укорененность теперь предполагала порядок, т.е. ограничение и самоограничение.

Номос же означал разметку некоторой территории, но трансформация отношений порядка и места соотносилась с процессом «удаления корней», поскольку номос нельзя было мыслить вне пространства и границ, в качестве безграничного и бесформенного. Теперь множественные номосы оказались укорененными в некоем едином (божественном, «базовой норме», революционном) акте: «От номоса здравого смысла Средневековья... – к международному современному праву, искусственному комплексу норм, пактов, регулирующих отношения между отдельными государствами» – таков был путь познания государствами своего жизненного пространства⁴.

Но уже греческая трагедия показывала, что основная борьба ведется не между разными законами городов, но между богами и титанами: номос непременно оказывается связанным с первыми. Поэтому искоренение номоса было чревато с утратой его корня именно в божественном законе. За этим следовала неизбежная утрата «корня земного», метафизического представления о «земле, почве и пространстве».

Характерно, что с самого начала в номосе уже присутствовала идея некоей доправовой справедливости, почему он и ощущал на себе след не-

⁴ Каччари М. Геофилософия Европы. СПб., 2000. С. 106–110, 120–121.

земного порядка, его же земная эффективность держалась на законе (dike) – справедливости. Но невозможно, чтобы единственным его истоком был закон хотя бы уже в силу своей конвенциональности и общего прагматического к нему отношения и законодателя и подвластных. Власть же, которая позволяла принимать такой закон и делать возможным его соблюдение, нельзя было понять иначе, чем на основе некоторого политического действия, не сводимого к уже данным нормам: «Это действие имеет вес идеологии, ценности, мифа... Мифоидеологический момент всегда присутствует в политическом, и «государство, как континент, никогда не отделится от моря (или пустыни) неверифицированных идей и непросчитанных ценностей»: иррациональное, как выясняется, повсюду следовало за проявлениями власти⁵.

Но в своем первоначальном смысле номос – все же «абсолютная» непосредственность, непосредственная законами сила права, конституирующее историческое событие, акт легитимации, придающий смысл легальности «голого закона» (Карл Шмитт). Действие пространственных источников правовых представлений само основано на том, что пространство воспринимается как нечто конкретно-сущее.

Революционные катаклизмы XVIII–XIX веков привели к драматическому изменению этого представления: в соответствии с новым видением пространство стало восприниматься как нечто вполне абстрактное и пустое, стоящее в оппозиции к конкретной длительности. (Еще софисты закрепили нормативистское и позитивистское понятие номоса, превратившее его в подобную простую норму и установление.) Это свидетельствовало об окончательном разложении номоса и нарастании жестких институциональных форм, закреплявших персональное обожествление властителя: пространственный смысл номоса утрачивался вовсе.

Предостережение Савиньи не было услышано, когда юристы XIX века вновь повторили старую ошибку древних, не осознав, что новомодные нормативизм и позитивизм уже ставят под вопрос вообще все исторические, идейные и профессиональные предпосылки, из которых прежде они сами же и исходили. Закон превратился в некое ориентированное на действия исполнительных органов государственной власти установление, «способное эффективно принуждать к повиновению». Различие между законом и мероприятием практически исчезает: «Всякий публичный или тайный приказ отныне мог называться законом, ибо... его способность принуждать к повиновению была несколько не ниже, ... чем у официальных юридических норм». Слова Гераклита и Пиндара о том, что все последующие писанные и неписанные правила черпают свою силу из внутренней меры некоего изначального акта, конституирующего пространственный порядок, сохранили свое значение. Но ведь таким изначальным актом и был номос.

⁵ Шмитт К. Номос Земли. С. 59–61.

3. Империя и «катехон»

С победой христианства идея империи как пространственно-территориальной системы властвования приобретает значение единственно эффективной сдерживающей силы и пространственного порядка. Новый передел Земли происходил в процессе рождения новых наций и новых политических единств. На этом фоне в Европе стала формироваться общность, называемая Христианским государством и христианским порядком (*Respublica Ghristiania* и *populus christianus*). В этой ситуации соседние земли нехристианских и языческих народов стали расцениваться как вражеские территории и пространства, предназначенные для христианской миссионерской деятельности: крестовые походы и священные войны получили легитимацию Церкви, а единство и порядок христианской империи нашли выражение в лице государственной власти и священстве.

Новая империя, насквозь проникнутая эсхатологическим духом, вполне осознавая собственную относительность и конечность, не рассматривала себя как «вечное царство». Тем не менее она естественно стремилась к земной устойчивости и постоянству. Ее важной мистической целью и стало посильное сдерживание наступающего конца света, а решающим понятием ее постоянства, как исторической силы, – понятие сдерживающей мощи, *Kat-echon*: идея империи в этой связи стала означать реальную историческую силу, способную предупредить и предотвратить угрожающее миру явление антихриста.

Границы священной империи опоясывали христианский мир, живущий в комплектном состоянии или в рассеянии. В метафизическом плане граница проходила через души христиан: «Царство мое не от мира сего». Но излучения мистической империи, которой служили земные государства и правители, оказывали мощное влияние на весь мир. Империя несла идею единства и в этом оказывалась более действенной, чем прагматические политические расчеты и стихия войн. Эта империя не сменила, но разрушила Рим. Языческие реминисценции, обращенные к Римской империи как образцу («Москва – третий Рим», «Священная римская империя германской нации») долго оставались на поверхности: приумножение их территорий не могло обойтись без использования насилия, мистическая же империя была иного порядка, она была не от «мира сего».

Идея «катехона» держалась на вере, которая явно по своей идейной значимости и обобщенности превосходила политические и юридические конструкции, ориентированные на преемственности христианской империи от империи римской. Эти конструкции пытались лишь законсервировать античное благочестие, механически защитив его от разлагающего воздействия восточных и эллинистических верований (которые традиционно по язычески обожествляли своих политических и военных властителей), тем самым

спасая античную традицию идейного единства локализации и порядка. В такой интерпретации *potestas* и *autoritas* уже не составляли бы политического и правового единения, но скорее выражали бы содержание различных порядков.

Установление нового пространственного порядка сопровождалось возникновением относительно централизованных, независимых от папы и императора, пространственно замкнутых территориальных государств. Новыми правовыми основаниями для его расширения стали открытия и оккупация, и новый пространственный порядок кажется заключенным теперь не в жесткой локализации, а в некоем балансе и равновесии⁶.

Имперские формы выростали в процессе превращения полисов в космополисы. Македонская и Римская империи возростали за счет включения отдельных, замкнутых в себе миров, при этом не подвергая их радикальным преобразованиям. Империя не являлась простой суммой объединившихся в ней территориальных локусов, – по сравнению с полисом, она обретала совершенно новое властное качество: интровертные тенденции, свойственные полису, заменялись здесь экстрровертными устремлениями и экспансионистским пафосом. По сути империя, в идеале, могла быть только мировой: Римской империи это почти удалось.

Бывшая не очень актуальной в рамках полиса проблема взаимодействия центра и периферии в империи приобретала особую и ощутимую значимость, здесь целостность территории могла быть обеспечена только использованием гибких и асимметричных механизмов управления. Имперские власти вовсе не стремились уничтожить автономию отдельных территорий, но пытались использовать их особенности и традиции в общеимперских интересах.

Сопоставление центра и периферии означало оценку разнокачественности пространства: стратегически более важные территории государства, имевшие особую экономическую, военную и культурную значимость, предполагалось защищать более эффективными и решительными действиями, чем другие районы, или «серые зоны», которые в крайнем случае могли быть в политических и тактических целях даже отданы противнику в условиях чрезвычайной ситуации. Границы здесь имели дискретную и неопределенную форму, а с точки зрения права – существенно спорный характер.

Арнольд Тойнби отмечал, что главным методом римского имперского управления был принцип непрямого правления. Эллинистическое универсальное государство понималось римскими основателями как ассоциация самоуправляемых городов-государств с пестрой полосой автономных областей в тех районах, где «эллинистическая культура не вступила в контакт с политикой». Усилия же римской администрации сводились прежде всего к

⁶ См.: Шмитт К. Номос Земли. С. 30–36, 45.

координации местных органов самоуправления. (Правда, постепенно и администрация империи стала превращаться в иерархически организованный бюрократический аппарат, уже не ограничивающий себя только заботой о поддержании мира в провинциях⁷.) Для империи быть – значит «связывать», и «связывание» подразумевало способность центра посредством императивных и указывающих знаков достигать периферии и накапливать у себя устремленные обратно к центру послания. При этом в политическом сознании должно сохраняться устойчивое представление о реальном присутствии центра даже в самой отдаленной точке. Империя (подобно Церкви), представляла собой преимущественно систему «дистрибуций знаков величественности», чтобы в этой самой удаленной точке центр мог обращать на себя внимание демонстративным «излиянием причастности к власти» (П. Слотердаjk).

В этой связи римский императорский статус и титул, кроме знакового обозначения политического ранга, становился также теологической и даже онтологической категорией, подразумевающей наличие в самом себе повелевающего центра имперской космосферы (в дискурсе теологии «дома» и государства император обозначал и репрезентировал центр излучения власти, силы и государства в ее универсальной вместительности), формирующей картину большого мира.

Этому величию в качестве еще более величественной фигуры соответствовал «император Христос», возглавляющий некое царство, также именуемое «империей», царство, хотя и не от мира сего, но требующее к себе уважения и в этом мире, о котором постоянно возвещается в параллельном государству церковном царстве⁸. Но сам закон Римской империи превращался в тюрьму, христианство не признавало такую власть истинной, увидев в ней изначальную и скрытую связь закона и греха (ап. Павел).

«Катехон» указывал на мощь, которая становилась преградой беззаконию, и сам тоже принимал образ империи, функции которой (еще и в Средневековье) состояли в том, чтобы «век не терял формы в ожидании своего конца», сопротивляясь дьявольским искушениям. «Вплоть до XIV века фигура монарха представляла хранителя прав человека... в тех пределах, в которых его верховная власть могла выглядеть законной».

Средневековье попыталось обосновать имперскую автономию, чтобы таким образом понять ее божественный источник (Данте), но к определению собственно законного порядка эпоха могла прийти, только отвергнув трансцендентальное обоснование и указав на свободное пространство, которое человек может обжить в полной мере. И тогда неопределенное пространство несведенных к феноменам идей получило в качестве своего символа «море», к которому влечет ностальгия к непостижимой дали, но она же препятству-

⁷ См.: Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 501–502.

⁸ См.: Слотердаjk П. Сферы II. Глобусы. СПб., 2007. С. 701–707.

ет созданию любой стабильной конструкции. Символом Церкви стала ладья, плывущая по бурному морю жизненной стихии. Плывущие на судне спасутся. (Гротескный образ «корабля дураков», распространенный уже в эпоху Ренессанса, напротив, в корабле и морской стихии выражал изолированность и отчужденность, политическую и социальную изоляцию. Босх, Брандт, Брейгель в этом образе выражали утрату безумными людьми чувства границы, уход в темную стихию бесконечного пространства.) Впервые в истории мысли происходило сопоставление двух стихий и предпочтение явно отдавалось стабильной и устойчивой земле: море же уступали авантюристам и безумцам.

Борьба папы и императора не особенно затрагивала сферы духовного и религиозного единства христианской империи: в представлениях и категориях христианской веры статус императора не означал некоего института абсолютной власти. К конкретной королевской власти, к короне, т.е. принципу реального господства над определенной страной, территорией, пространством, всегда добавлялась некая метафизическая сила, выполняющая функцию «катехона» с ее конкретными задачами и миссией. Она была неким поручением, исходящим из высшей сферы.

Уже начиная с XIII века аристотелевская теория «совершенного пространства» обретает в Европе серьезный авторитет. Имперская государственность, понимаемая как подобная совершенная форма человеческой общности, явно стояла выше родственной ей «племенной» царской власти и автаркического государства: она начинает восприниматься как некое трансцендентное и качественно более высокое всеобъемлющее единство, только и способное установить мир и справедливость. Не исполняющая таких функций «катехона» власть, будет представляться уже только вульгарной формой «царизма».

Установление династического порядка владения землей и властью сделало императорскую власть составной частью этого порядка, и функция «катехона» утрачивалась окончательно. Внешнее восприятие норм *Corpus Juris* не позволило придать «Священной римской империи германской нации» того прежнего величия, которым некогда обладал Рим. «В основывающихся на римском праве реконструкциях юристов XIV–XV веков, связь христианской императорской власти с территориальной королевской, выполняющей функцию *Kat-echon* уже полностью забыта». Но даже в учении о суверенном государстве, не признающем никого выше себя, все же сохранилось заметное влияние идеи единства, представленного союзом императора и папы. Однако процессы разложения средневековой христианской империи неуклонно вели к появлению все большего числа фактически и юридически освобожденных от *imperium* образований, которые одновременно пытались вытеснить *autoritas* священства в чисто духовную сферу⁹.

⁹ Шмитт К. Номос Земли. С. 39–40, 43.

4. Формы и пределы

В Новое время проблему защиты от беззакония, хаоса и врагов, идею «катехона» целиком принимает на себя государство, и сакральный характер задачи почти растворяется в статьях базовых и конституирующих документов. Отголоски «катехона», такие как «священный долг», «защита Отечества» и др. заглушаются декларациями о «правах человека», «защите личности», неприкосновенности границ» и пр. Но ведь уже средневековая империя, сохранив название «священной», стала больше походить на римскую и весьма гордилась своими обширными, хотя и не четко оформленными, пестроландшафтными территориями.

Конституция, понимаемая как принцип построения государственной формы, а не как традиция, идея или письменный документ (названный Ж. де Местром ни чем иным, как «клочком бумаги»), призвана была очертить властные пределы, т.е. территорию, на которую распространяется господство сформулировавшего эту самую конституцию суверена. Конституция по своей сути есть установление, закрепление, фиксация, очерчивание юридических пределов, в которых только и возможны производные от нее юридические действия. Она как бы возвращает к архаической триаде – территория, население, власть, где первичным, хотя бы в силу генетической логики, все же оказывается пространственный признак государственности. Не обладая почвой, нельзя стать дееспособным субъектом права. Принятие страной конституции означало рождение нового территориального субъекта, законно разместившегося в мировом пространстве.

Феодалная земельная собственность, юридические формы которой вышли еще из римской правовой традиции, продемонстрировала яркий пример нового членения территории. В частноправовых формах (домен короля или императора представлялся не иначе как территория, по отношению к которой суверен является полным собственником (*dominium*) феода и бенефиция (аналог – вотчина и поместье) были выражены две формы локализации земной (разных типов землевладения – пахоты, лесные угодья, речные угодья) поверхности – и здесь снова проявлялся древний изначальный номос – наследственная передача, презюмируемая как первоначально возникший захват пустых земель, и пожалование, дача, искусственный выдел уже освоенных и принадлежащих суверену земель. Деление пространства осуществлялось здесь в соответствии с нормами социальной иерархии и властеотношений: империя и суверен заботились о внешних границах территории, номос сосредотачивался на внутренних аспектах ее деления.

Юридический нормативизм, пришедший вместе с либеральным «правовым» государством, традиционно означал пространство, которым была ограничена значимость государственного правопорядка: государственная территория здесь знаменовала единство системы правопорядка (Ганс Кель-

зен), она была юридически исключительна и непроницаема. В этом определении государственной территории сталкиваются две исторические тенденции: торжество национального суверенитета государства и нарастание организованного сверхнационального межгосударственного воздействия (империализм и международный порядок).

Связующим звеном между государством и его территорией всегда являлась идея целостности и формы. Пространственная конфигурация государства есть его взаимный образ, целостность выражает его органичность и важнейшую цель его существования. Жизнь нации наполняет пространственную форму государственности, придавая только ей присущие черты: государство будет сильным, если жива и сильна нация, народ, его населяющий.

Для государства как субъекта права территория является конституитивным, первичным элементом самой его личности: вне пространственной определенности не мыслится бытие современного государства. Но с этой точки зрения, территория уже не является объектом государственного господства, но представляет собой лишь составной момент самого государства как субъекта. Государство же властвует не над территорией, а лишь в ее пределах и границах, и предметом его господства являются люди, живущие в этих пределах. (Догмат территориального единства родился в конституционных преобразованиях Французской революции (1791–1793 гг.) Исходя из этой идеи, любое ущемление юридической личности государства, сделанные им территориальные уступки, номинально ведут к полному юридическому уничтожению государства, как личности и целостности. Г. Кельзен же отрицал как проблему непроницаемости, так и проблему неделимости территории, а заодно и проблему соотношения *dominium* и *imperium* в определении сферы и источников господства государства. Территория описывается на языке юридического нормативизма как нормативное ограничение значимости правопорядка в нормативном же пространстве. К этому был близок и Леон Дюги с его теорией «территории – границы», материальной границы эффективных действий носителей власти)¹⁰.

Сакральный центр земли, которым была Европа, оказывался не в состоянии изобрести адекватные и устойчивые институты, способные придать идеальную форму новым отношениям. «Катехон», представляемый земным государством, со временем начинает выражать некий политический романтизм, либеральную ностальгию по нейтрализации и деполитизации. (Микрокорпоративная атомизация интересов и культур, ликвидация любого этоса достигает уровня, который делает архаичными имперские амбиции.) Ни одно политическое решение теперь уже не будет в состоянии дать идеальную жизнь новой «конституции», существующей в качестве подлинно-

¹⁰ См.: Устрялов Н. Элементы государства // Классика геополитики. XX век. М., 2003. С. 604–605, 608.

го акта народной воли, единого этоса, поскольку сама идея «конституции» ныне связана с авторитарным признанием реального существования определенного пространства, возможности некоего номоса, определенного в чисто территориальном смысле¹¹.

«Священная римская империя германской нации» все основные политико-правовые характеристики восприняла от своей античной предшественницы. Кроме одной: Рим завоевывал мировое пространство не только силой легионов, но и силой своих законов. Юридизированную систему империи скорее всего восприняла римская католическая церковь, но отнюдь не новая европейская империя. За ее (Церкви) локализованным на практике законодательством стояла внеправовая метафизическая объединяющая сила, и об этом невидимом соединительном духе говорили Новалис и другие романтики XIX века, вспоминая идеальную единую Европу Средних веков.

В реальности государственно-политическое пространство Империи представляло собой определенную ассиметричную федерацию разнохарактерных субъектов, обладавших разной степенью суверенности и автономии. Ни «Каролина», ни «Золотая булла» в полной мере не действовали (во всяком случае, в одинаковой степени) на многоцветном политическом поле Империи.

Всерьез имперская государственность признавала незыблемыми только свои внешние границы. Когда же имперская идея окрашивалась в религиозные или выражено-культурные тона, территория для нее приобретала сакральный и символический характер («Родина-мать», «Христианская держава»), а ее защита обеспечивалась всеми возможными мерами, вплоть до «священной войны». Враждебный ей мир противостоял как хаотическая темная сила, «империя зла» и т.п. Защита от его посягательств – священный долг империи, и он заключался в выполнении той самой особой функции «катехона».

Федерации, позже пришедшие на смену империям, делили свои территории уже по административному или национально-административному принципу. Внутренние границы земель или автономных республик при этом не исчезали вовсе. Федеральный центр в силу своих неизбежных бюрократических склонностей, свойственных этой системе, стремился оказывать на регионы ощутимое давление и осуществлять контроль, но в отличие от имперского государственного устройства такое воздействие уже не носило органического характера.

5. Границы и пространства

В своих рассуждениях о «грядущей империи» Артур Мёллер ван ден Брук подчеркивал: «Пространство стоит выше всего, оно самодостаточно и явля-

¹¹ Каччари М. Указ. соч. С. 116, 124.

ется божественным явлением». (Время же, наоборот является подначальным и слишком человеческим.) Консервативному типу мышления особенно свойственна пространственная ориентация, поэтому он по сути своей государственен, поскольку с этой точки зрения государство и пространство неразделимы: константа для него всегда весомее и сильнее, чем переменные. Консерватизм воплощает власть, которой он обязан, поэтому он и нуждается в неприкосновенных символах и традициях: такими ценностными величинами «была средневековая имперская идея и католическая церковь. Любая укоренившаяся, поднявшаяся и познанная государственная идея – это идея власти, которая оберегает условия существования народа», само пространство его бытия¹².

У римского государства европейские народы научились управлять большими территориями, чтобы держать под своей властью большие пространства. (По мнению Л. фон Ранке, в начале истории имели место отнюдь не великие монархии, а только малые племенные округа или общины, лишь отдаленно похожие на государства; у истоков больших государств лежали недолговечные и малые образования (исключение составлял, правда, сам Рим)¹³. Но империя, складываясь из мелких территориальных локусов, приобретала совсем иное качество, чем составляющие ее части, и империя (в отличие от федерации) становилась не просто суммой территорий, конгломератом, нуждающимся в объединяющем центре: империя базировалась на традиции, консенсусе и взаимопроникновении, и тем самым становилась больше, чем сумма составляющих ее частей.

В соответствии с мифическими представлениями границами обжитой эйкумены могли выступать мировой океан, Геркулесовы столбы, священная гора и пр. Этими границами мировой порядок отделялся от мятежного беспорядка и космос от хаоса. Представление о том, что и по ту сторону границы у земли есть свой хозяин, приходит значительно позже, уже в эпоху рождения международно-правовых соглашений XVII–XVIII веков.

Пространство становится осязаемым силовым полем человеческой энергии, действия и результата: «Не мир находится внутри пространства, а пространство находится внутри мира» (К. Шмитт). Поэтому задачей рождающейся геополитики становится представление функционирующих в определенном жизненном пространстве жизненных форм политики, обусловленных одновременно и стабильной географической средой, и динамикой исторического процесса. В любом случае оно принимает конфигурации и очертания, составляющие индивидуальные признаки: правовая мысль в форме юридических фиксаций только следует за этими контурами реального присутствия, последовательно превращая их в нормы внутреннего или международного права.

¹² Ван ден Брук А.М. Миф о вечной империи и третий рейх. М., 2009. С. 293–294.

¹³ Ратцель Ф. Народоведение // Классика геополитики XIX в. 2003. С. 179.

В XVII–XVIII веках географические карты стали изображать мир, четко разделенным на территории, имеющие ясные границы, а не случайные и фантастические рубежи. «Это отражало не только просвещенческое стремление к ясности, но и растущее разделение мира на доминионы размытых европейских государств и было тесно связано с охраной и даже милитаризацией границ». Идея мира, естественным образом разделенного на отдельные нации, связанные с определенными административно-территориальными единицами или государствами, сыграла важную роль в этой трансформации¹⁴.

Пространство может восприниматься как пустое, поверхностное или глубинное измерение. Теория, оформившаяся в эпоху Просвещения, умозрительно рассматривала территорию государства в качестве пустого пространства с линейными границами. Тем самым территория превращалась в округ господства и управления, административно-территориальный район, сферу компетенции. («Государство – это не что иное, как организованный на определенной поверхности для права народ»). В этой связи возникает новое несводимое различие принципов территориального верховенства и пространственного верховенства, а в сфере публичного права территория государства превращается в некое «место действия *impregium*»: пустое пространство стало представлять собой универсальную форму, в которую вполне укладывались специфически правовое и конкретный фактический порядок.

В противоположность такому математико-просветительскому представлению, пространство могло быть выражено как конкретное и уникальное явление: Фридрих Ратцель говорил, что «признаком всякой истинной жизни является акт овладения пространством», т.е. его конкретизация. Пространственное создается только предметно, и только тогда оно становится «пространством достижения», а каждый конкретный порядок и общность обладают специфическими содержаниями места и пространства, где обнаруживается характерная только для них связь порядка и местоположения (в трактовке русских евразийцев 20-х годов прошлого века – «месторазвития», чем подчеркивался динамический характер овладения пространством).

«Любое правовое учреждение, любой институт заключает в себе свою идею пространства и потому привносит с собой свою внутреннюю меру и свою внутреннюю границу». (Отто фон Гирке подчеркивал при этом, что средневековое понятие корпорации произрастало из подобных артикулирующих и нормирующих представлений о «юридически квалифицированных, пространственно-вещественных единицах».) Если в римском праве «*civitas*» означало совокупность лиц, то его средневековый аналог исходил прежде всего из локального значения: с конкретным порядком в понятийно-правовом отношении всегда было связано конкретное местоположение¹⁵.

¹⁴ Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 45.

¹⁵ Шмитт К. Номос Земли. С. 565–566, 570–571.

6. Ощущение границы и «пустое пространство»

Конкретное пространство не терпит пустоты. Оно уже не пустая форма, предназначенная для заполнения, – само содержание пространства порождает форму.

Ненаселенные и «пассивные» пространства могут быть включены в пределы государственной территории только в качестве потенциально возможной сферы действия государственного правопорядка. Господство государства над территорией поэтому имеет публично-правовой характер: не *dominium* (когда из вещного права на территорию выводилось и частное право «государя-вотчинника» на население этой территории, а сама государственная территория представлялась частной собственностью), а *imperium*, т.е. власть повелевать: право на территорию прямо проистекало из этой власти повелевать.

У Ф. Ратцеля был известный афоризм: «государство есть кусок человечества и кусок организованной земли». В условиях XIX века формально-юридические границы суверенных государств, с точки зрения «империалистических» держав, уже не исчерпывали полностью реальной картины и качеств международных отношений и внутреннего государственного бытия: «Под псевдонимом “суверенных государств” ныне нередко живут национальные организмы, по существу представляющие собой обыкновенные “сферы влияния” той или другой великой империалистической державы, ориентирующиеся либо на океан-море, либо на континент-океан»¹⁶: сильное напряжение возникало между наполненной жизнью землей и землей незаполненной, эйкуменой и анэйкуменой.

Незаселенные территории играли важную геополитическую роль для примыкающих к ним государств: «Кто утрачивает обеспеченную защиту в незаселенных местах, тот для удержания необходимого жизненного пространства должен прибегать к неизмеримо большему и длительному напряжению сил» (К. Хаусхофер). Наличие «серых зон» как промежуточных пространств весьма благоприятно для их соседей, это – «санитарный кордон», препятствующий проникновению на государственную территорию всяческих неблагоприятных влияний, гарантирующий от непосредственного вторжения и дающий время и возможность для подготовки к их отражению. Кто не может «хотя бы единожды создать и поддерживать собственное государство по образу водонепроницаемой системы», будет ли он способен участвовать в играх и системах союзов и структур, охватывающих крупные пространства или в присоединении сопредельных пространств? (К. Хаусхофер).

Граница как переход между государствами, поэтому не просто геометрическая линия, но целая сложная «организация, охватывающая политическую,

¹⁶ Успрялнов Н. Указ. соч. С. 617.

хозяйственную и культурную жизненную возможность». Любая «полезная и стабильная граница», по выражению К. Хаусхофера, не только политическая граница, но и граница других многих жизненных явлений: она сама по себе становится еще одной, наряду с другими, жизненной формой, располагающей своим ландшафтом и условиями существования. Линейность границы, представляемая преимущественно юридическим мышлением, на практике всегда корректируется самой природой и жизнью в их вечно меняющихся и непрерывно перемещающихся в пространстве формах. Правовой идеал и буква закона стремятся превратить границу в математическую и бестелесную черту, которую можно раз и навсегда определить и описать. Однако этого так никогда и не происходит в действительности. (Слабость Лиги Наций, с точки зрения пространственного политического мышления, заключалась в ее явно выраженном ограниченно юридическом восприятии действительности.)

Реальная дискретность граничной зоны проявляется в рассыпанной системе экстерриториальных объектов и анклавов, вкрапленных в чужую территорию: этим как бы подтверждается представление о границе как об умозрительной и только условной линии, проходящей через земное, морское и воздушное пространство. Но сама идея о привязанности этих участков к некоей «базовой земле» и «почве» все же остается незыблемой и в XVIII и в XIX веках.

В истории возникновения и реорганизации границ прослеживается заметное уклонение от принципов чистого произвола, а также склонность к возврату, к восстановлению «естественных», покровительствуемых самой природой пограничных форм. В римском пантеоне богов боги границы и межевых знаков занимали почетное место (Янус, Термин, Лиментин, Кардея) и в этом сказывались характерные римская публичность и дисциплина. Взаимодействие «почвы» (территории) и осознанных человеком обычаев и нравов формировало правовые установки с представлением о готовности к самоопределению¹⁷. (Граница между родиной и чужбиной пролегла в апологической культуре между двумя городами, в магической – всякий раз между двумя вероисповеданными общинами, подчеркивал Освальд Шпенглер.)

Граница одновременно должна быть «разделяющей и проходимой» (К. Хаусхофер). Ф. Ратцель отмечал, что сущность государственных образований у древних народов составляла именно неопределенность границ, которые намеренно не проводились в виде линии, а поддерживались открытыми в виде некоего свободного пространства изменчивой ширины. Неточность границ оставалась их свойством достаточно долго: «Не все государство связано с площадью земли, какую оно покрывает, и в особенности с ее периферическими частями: вполне определено только политическое сре-

¹⁷ Хаусхофер К. Границы в их географическом и политическом значении // О геополитике. М., 2001. С. 17, 38.

доточие, самое существенное во всем образовании. Именно из него власть, сдерживающая государство, и направляет свою силу в большей или меньшей степени в периферические полосы».

7. «Большие пространства»: «земля» и «море»

Четкие же границы стали появляться прежде всего там, где встречались противоположные культуры земледельцев и кочевников. Для степняков устанавливались резкие пределы, которые искусственно усиливались посредством валов и стен, поэтому в качестве образа номоса издавна выступала символическая стена, т.к. сама ее форма основывалась на акте сакральной локализации¹⁸: ограда, предел порождали пространство священного, как бы изымая его из сферы обыденного и подчиняя его собственному закону: «Право и мир изначально основываются на ограждении, выступающем в своем пространственном смысле» (К. Шмитт).

В русской истории феномен «дикой степи», огромной территории на границах Московского национального государства, остается примером такой границы – пространству которому дается уже этически окрашенное определение: «дикая» означала ничейная и очень опасная. (Ассоциированное со степью, это определение подсказало евразийцам идею о противостоянии «степи» и «леса», т.е. неосвоенной и освоенной территорией.) При этом эйкуменическое огосударствленное пространство присутствовало только с одной стороны аморфной и неустойчивой граничной полосы, укрепленной засеками и фортами. Поведение другой стороны презюмировалось как агрессивное и непредсказуемое.

Однако и ситуация «монгольского ига» демонстрирует не менее размытую картину взаимоотношений двух властных государственных (в Орде уже прослеживаются все основные черты государственности) образований. Васальные или даннические отношения, т.е. политика принуждения и связанное с нею насилие, как бы размывают границы между властвующими и подвластными, будучи оформленными известными юридическими соглашениями (иначе это было бы голое насилие), устанавливающими нормы и порядок взимания (дани и рекрутов). Дуализм властей (ордынцы и русские князья) осуществлял свою деятельность на одних и тех же территориях, в одном и том же пространстве, в отношении одних и тех же субъектов и объектов. Размеры этого промежуточного пространства могли достигать значительной доли для обоих территориально-государственных образований.

Противостояние «леса» и «степи» в европейских геополитических аналогах выражалось в дилемме «земля-море». Россия же, отрезанная от океанического пространства, позиционировала себя как настоящий «континент-

¹⁸ Ратцель Ф. Указ. соч. С. 179.

океан», Европа вполне реально, а не гипотетически, связывала свое существование с реальным океаническим хозяйством, энергетически дополняющим ее сухопутное пространство и ее экономику.

Проведение границ – высокое искусство, в древности считавшееся «делом богов», «облеченное разнообразными народными преданиями и эзотерическими государственными философиями в блеск мистерий» (К. Хаусхофер). Чувство границы с самого начала отвергало представление об одностороннем юридическом и историческом ретроспективном видении границы с безоглядным поиском ее линейности: «Границы, которые разделяют как данное Землей в своем влиянии на власти, культурные, правовые жизненные формы, границы, которые при видовых и расовых различиях... даже в переходные ландшафты переносятся из жизни на карты», не могут быть объяснены по своему месторождению как разделительные зоны, как искусственные географические разграничения, ставящие культурно-морфологические, но не формально картографические разрешения проблем.

Даже у границ, внешне кажущихся традиционными и устойчивыми, есть свои крупные формы, выражающие именно процесс разграничений, и играющие «взаимопроникающую роль», в чем собственно и заключается характер локализации. Легислативное, законодательное, историческое или «биографическое» определение внутренней границы вплоть до самых незначительных политических пространств, прежде всего должно гарантировать порядок. Государственная структура, обладающая превосходством, – «прочной ячейкой жизненной формы», – в противовес неустойчивой и «федералистски расслабленной или сверхцентрализованной и окостеневшей системе» (К. Хаусхофер), способна и должна выдерживать давление любых обстоятельств. Тогда это и будет тип укрепленной и равновесной границы.

В исторической ретроспективе всегда заметным было влияние обширных морских пространств на формирование специфически имперского мышления, а их подвластность этому типу мышления выражалась в оттеснении античного эллинского представления об океане и его замене понятием «мирового моря», как некоей «совокупности океанов», в качестве главной арены власти и носителя международного общения¹⁹.

Еще средневековые географические карты изображали океан в качестве гигантского разделительного пространства, а духовный центр христианского мира – в качестве центрального пункта и города Земли. Водная стихия в силу своей недоступности и непреодолимости казалась идеальной границей, отделяющей и защищающей истинный мир от окружающего его хаоса. В восточном предании сама Земля держится на мировом океане, а в более поздних политических утопиях идеальные государства повсеместно располагались на изолированных островах.

¹⁹ Хаусхофер К. Границы... С. 68, 120.

Альфред Т. Мехен подчеркивал: с социальной и политической точек зрения, море представляется великим путем или «обширной равниной, через которую можно проходить по всем направлениям». Это – всегда открытое пространство, на котором происходит состязание между нациями, стремящимися обеспечить за собой в общем-то несоразмерную долю контроля: для этого используются мирные законодательные или запретительные меры или же прямое насилие. Морское пространство стремятся превратить в продолжение государственной территории²⁰. Завоевание моря и заморских территорий превратилось в мощный политический фактор, а исторический раздел морских территорий между европейскими державами (Испанией, Португалией, а затем Англией и Францией) повлек за собой как внутрисоциальные, так и глобальные межконфессиональные конфликты между всемирным католицизмом и всемирным протестантизмом; Реформация, Контрреформация и Тридцатилетняя война стали событиями, инспирированными в своих истоках именно борьбой за море. Религиозные войны и теологические лозунги и программы этой эпохи соединяли в своем существовании метафизическое столкновение разных стихийных сил, в конечном счете повлиявших на перенос всемирно-исторической экзистенции с земли на море²¹.

Тип «морского» или «степного» мышления, как правило, является импульсом к дальнейшему расширению территории и формированию пространства с явным имперским характером: исторический опыт отсылает в этой связи к финикийцам, критянам, эллинам и Венеции. «Сухопутный океан» успешно осваивали гунны и монголы. Сила превосходящей власти такой идеи доказывается уже тем, что духовное движение за преодоление пространства было налицо еще до того, как появилась реальная возможность осуществить его на практике. Только во временной протяженности геополитический фактор начинает доминировать над бурным желанием и «сводит средний уровень к средней норме, ибо крайности не преодолевают вид, породу, расу». (Челен)²².

Море, не являясь государственной территорией, издревле было пространством человеческой активности и господства. Морские державы древности (Афины, Карфаген) тогда уже считали море пространством, подчиненным их господству. Позднее и Венеция, «обрученная с морем», устанавливает свою власть над морским пространством Адриатики и Восточного Средиземноморья. Империи, связанные с фактором водного пространства, зарождавшиеся некогда в речных поймах Ближнего Востока и Двуречья (египетская, ассирийская, вавилонская), постепенно уступали место та-

²⁰ Мехен А.Г. Влияние морской силы на историю // Классика геополитики. XIX в. С. 184.

²¹ Шмитт К. Земля и море // Номос Земли. С. 623–624.

²² Цит.: Хаусхофер К. Пандеи в геополитике // О геополитике. С. 294.

лассическим культурам внутриматериковых морей (греческая и римская античность и средиземноморское Средневековье), а затем, с открытием Америки и началом кругосветных маршрутов, – европейской глобалистской экспансии.

С XVI века раздел морских пространств между государствами становится легализованным мероприятием: когда Испания и Португалия договаривались о пределах собственного господства в мировом океане, море стало бескрайней пограничной территорией. Слова британского гимна «правь, Британия, морями» станут пророческими на несколько столетий, а доктрина Монро превратит океаническое пространство в домашнее море для избранных держав. Установленные при помощи многочисленных актов правовые режимы прибрежной морской полосы будут только паллиативами и не изменят стратегического развития политики на море.

(Было замечено, что некоторые учреждения и институты, прекрасно действующие в островных государствах в силу их изолированной замкнутости, для «проницаемых» государств оказываются неэффективными и даже вредными. Так, двухпартийная система англо-саксонского образца, сложившаяся в XVIII веке, не срабатывает в Центральной Европе, «особенно в мировоззренчески разобщенных пространственных организациях с шизофреническим (умственно расколотым) состоянием народной души»²³.)

Процессы пространственного расширения повлияли на изменение всех форм политической жизни: в Европе возникают централизованные органы управления, новый стиль политической и правовой жизни. В области естественно-правового мышления рождалось представление о бесконечном и «пустом» пространстве, неожиданно и заметным образом повлиявшем на все геополитические представления. И если морское пространство невозможно было разделить (хотя бы в силу недостаточности технических средств), то его можно было учитывать как фактор политического влияния: казалось, что бесконечность все-таки можно было локализовать.

Конкретный порядок всегда предполагает размещение событий и институтов политической и правовой жизни, который был бы невозможен в «пустом» пространстве. Сам порядок этих содержаний уже представляет собой пространство, в котором он и размещается. Отказ от абстрактных мерок позволил соединить пространство с конкретным порядком, порождая тем самым органическое единство, – изменение содержания меняло характер пространства.

Карл Шмитт, говоря о «больших пространствах» как особом факторе политики, отмечал, что в них заметно «излучение империи, рейха» как организующего и определяющего начала: такие образования представляют собой особые и неделимые единицы пространственной организации. Импе-

²³ Хаусхофер К. Пандеи... С. 328.

рии, рейхи – это как раз такие мировые силы, которые существуют наряду и над государствами и которые «только по видимости являются таковыми, поскольку не могут удержать свой суверенитет над территориями». Влияние империй распространяется на сферы, далеко выходящие за границы политического единства²⁴: здесь действия и границы, т.е. учреждающая конкретная деятельность человека получают зримое выражение и придают пространству его определенность.

Освоение морского пространства позволило представить законченную картину территории Земли и дать ее цельный геополитический образ. Парадоксальным образом беспредельность мирового океана и его безграничность способствовали уточнению и усилению пространственной локализации сухопутных территорий, артикулированию границ того, что уже было известно, занято и поделено: юридизация локусов, формализация континентальных и островных границ – таково неожиданное и благотворное следствие влияний беспредельного Океана.

Право сущностно связано с отношением к пространству и неотделимо от него. Право привязано к порядку, а порядок – к месту. Норма не висит в безвоздушном и пустом пространстве. Однако нормативизм по-прежнему пренебрегает пространством, упорно исходя из универсальности и вневременности нормативного порядка и невзирая на очевидную действительность. Нормативистский образ может выражаться даже в «болезни пространства», он подчинен чуждому земле «упраздняющему» пространству и потому «безграничному универсализму англо-саксонского морского господства». И только море остается свободным от диктата государственности и от единственно «истинного» представления о порядке пространств, связанного с господством правового мышления²⁵.

Противостояние или напряжение между «землей» и «морем» было отмечено еще Библией: сухопутный Бегемот пытался разорвать клыками морского Левиафана, душившего его своими лапами-ластами. Политическая интерпретация перевела этот миф на язык геополитики, указывающей на непримиримое взаимоотношение сухопутных континентальных и морских «островных» держав: «Елизаветинский миф» стал мифом первой великой государственной силы, которая «опираясь на собственное островное бытие, как когда-то миноская Крета, свою судьбу полностью доверила владычеству на море» – Англия «сумела наделить себя морем в противовес земле, освободившись от ее духа тяжести», чего так и не получилось у Испании, и что Венеция имела только в качестве некоего прообраза²⁶: «поскольку у

²⁴ См.: Филиппов А.Ф. К политико-правовой философии пространства Карла Шмитта // Шмитт К. Номос Земли. С. 653–654.

²⁵ Шмитт К. Порядок больших пространств... С. 571–572.

²⁶ Каччари М. Указ. соч. С. 67–68.

моря нет границ – морское владычество становится единственно постижимым» (Гегель).

«Хартланд», континентальная сила становится объектом пристального внимания для «периферийных» атлантических морских держав, а отождествляемый с морем Левиафан – символом неприязни и оппозиции к государственности вообще (по легенде, взятой из Каббалы), а позже – аллегории блокады континентальных государств морскими державами. Современная история – это история завоевания Земли и история империализма, в которой противостояние «суши» и «моря» остается ключевым моментом.

Таласократия еще долго будет оставаться эффективной формой властвования. До тех пор, пока люди окончательно не освоят два новых пространства – воздушное и космическое. Только когда планета будет освоена полностью и окончательно, напряженность между «сушей» и «морем» достигнет своего апогея. Следует ли из этого, что обострение конфликта и противостояние способствуют процессу глобализации? На этот вопрос ответит уже ситуация нашего времени.

8. Государство и нация в пространстве

Абстрактное определение «открытого пространства», пришедшее на смену категории «пустые пространства», семантически снимает понятие «конкретной почвы», столь характерное для суверенного государства. Противопоставление универсализма и суверенности – это противопоставление экономического (по сути виртуального) пространства конкретной «почве» или, по определению Вернера Зомбарта, противопоставление «пустыни» «лесу».

Правовое пространство суверенного государства всегда представлялось составной частью, качественно и по своей наполненности не отличимой от однородного и унифицированного мирового пространства. Абстрактный язык правовых норм значительно способствовал такой унификации, и Г. Еллинек определил суверенитет не более как «полемическое представление», лишь впоследствии превратившееся в правовое: не теория создала его, его сформировали те самые великие силы, борьба которых составляла содержание целых столетий: «Суверенитет есть понятие... политическое, имеющее первоначально оборонительный характер и лишь впоследствии наступательный характер... Суверенитет есть не абсолютная, а юридическая категория».

И понятие территории выработывалось также исторически в долгом процессе познания, конструируясь как понятие государственно-правовое, юридическое. В традиции барокко территория представлялась как арена государственного властвования, но позже нормативизм обозначил государственную территорию как пространство, которым «ограничена значимость

государственного правопорядка». Нормативное единство государственной территории знаменовало единство системы правопорядка (Г. Кельзен). И поэтому территория юридически оказывалась исключительной и непроницаемой. Когда Фихте говорил о «закрытом торговом государстве», он имел в виду автаркию с такими непроницаемыми границами, но основанную на национальной почве: для описания такой формы было недостаточно только юридических терминов, и метафизический «дух нации», открытый в политике романтиками, стал пропитывать систему, изнутри подрывая уже устоявшуюся к этому времени нормативистскую и просветительскую методiku, а заодно и юридический позитивизм государственной науки.

В XIX веке в исторический процесс включается новый политический и правовой субъект – нация. Народы, до этого момента пребывавшие в пределах имперских государственных образований и довольствовавшиеся культурной автономией, почувствовали нужду в собственном и контролируемом ими территориальном пространстве. Кабинетная дипломатия XVIII века с ее тайнами («арканами») уже не могла противостоять настойчивым требованиям открытости, которые предъявлялись политике. (В значительной мере это было связано и с изменившимся характером войны, которая во многих случаях приобретала характер «народной» и «национальной».) Нация довольно быстро противопоставила себя государству в его старом и традиционном аристократическом понимании, а проблема «нация и территория» потребовала новой интерпретации, как в политике, так и в праве.

Теперь в Европе уже не осталось «пустых территорий», зато они обнаружились где-то далеко за ее пределами. Раздел колоний – по существу стал разделом территорий самих европейских государств, как бы продолженных в пространстве, но не имеющих там четких и устойчивых границ (множество договоров о таких разделах в любой момент могло быть оспорено и к тому же не отличалось картографической точностью). В публичном праве появляется большое число субъектов «промежуточного» типа – доминионы, мандатные территории, территории общего пользования (кондоминимумы), а с развитием технических средств и вооружений старые природные границы утрачивают значительную часть своей сопротивляемости и непроходимости.

Национальные революции XIX–XX вв. по-новому поставили проблему границы. И прежде бывшая достаточно спорной теория ее линейности и математически выверенной точности, исчезает в прошлом: граница – теперь пространство с неопределенными очертаниями, разрывами, вкраплениями и массой условностей, как исторического, так и юридического порядка. Граница – пространство, но не линия, и государства, чувствующие собственную силу, как кажется, проявили заинтересованность именно в такой интерпретации.

Выход на политическую арену национального государства, этой потерявшей антропоморфные черты машины (Ницше называл его «самым хо-

лодным из чудовищ»), меняет саму идею территории, – она становится придатком или конституирующим элементом этого государства. Суверенитет, забывший о своих настоящих истоках, ищет для себя как оправдания новую субстанцию – народ, нацию, делая их субъектами политической игры. В борьбе за крошечные территории гибнут сотни тысяч людей. Индивидуализм пронизывает все политическое бытие наций. Чувство единства, уже в империи ставшее механическим, окончательно утрачивается. Если еще войны XVII столетия (Тридцатилетняя война) проходили под знаком религиозной непримиримости и спора об истине, то войны XIX века даже для империй, как традиционных, так и наполеоновской, ведутся уже на национальной, подкрашенной революционными лозунгами, основе и исключительно за территориальные интересы. Все пакты и договоры XIX века – это акты раздела территориальных пространств. Национальные революции в Европе избирают тот же путь для своей самоидентификации, а распад старой Европы и «старого порядка» сопровождается заметным ростом националистического пафоса.

Однако имперская идея не исчезает из европейского менталитета окончательно: наполеоновская «революционная» империя, карикатурная империя Наполеона III и все еще живые старые империи России, Австро-Венгрии и Турции (и присоединившийся к ним II Рейх Германии), уступают место на мировой арене новым модернизированным и технически вооруженным империям Англии и Франции, для которых территориальная проблема возникла еще и в связи с эпохой географических открытий и устранением их соперников – Испании и Португалии, как из морского, так и из сухопутного пространств. Империи, казалось, обретали свое новое лицо, перенося при этом свои периферийные территории далеко в пространстве, подальше от метрополий и исторических центров.

Статус нации невозможно определить однозначно и объективно (до стадии политических процессов, в которых она участвует) только на культурных или социально-структурных основаниях. Нация реально существует лишь в контексте национализма: нация – это особый образ осмысления того, что значит быть народом, – сам националистический образ мысли и речи помогает создать нацию. (Отто Бауэр добавил к этому еще и фактор «общности судьбы», а Карл Дойч говорил, что «нации становятся нациями, только когда они обретают силу для того, чтобы подкрепить свои устремления»²⁷.)

Самоощущение нации как конституирующий фактор обнаруживается уже после XIV века, когда народные восстания и политические теории стали опираться на идею, что именно «народ» составляет силу, способную наделять легитимностью государство, и в этом случае границы государства должны были соответствовать границам нации. Возникшая на этой осно-

²⁷ См.: Калхун К. Указ. соч. С. 198–202.

ве проблема суверенитета потребовала обращения к «правам» народа и его воле: нации становились историческими существами, обладающими волей, правами и способностью принимать решения.

Народное участие в политической деятельности способствовало тому, что сама легитимность должна была все более зависеть от представлений о неполитической социальной организации, социальная сплоченность которой выражалась теперь во внешнем ограничении и внутренней консолидации населения, ассоциированной с единой «волей народа». В этой ситуации само государство уже не считалось монопольным и исключительным политическим сообществом, поскольку его легитимность теперь зависела от согласия и поддержки со стороны другого уже оформленного и существующего политического сообщества («гражданского общества»).

Гоббс представлял подобное единство в качестве социально организованного «тела» (*corpus*), сформированного в результате последовательного заключения двух договоров: первый объединял добровольных участников в сообщество, второй принудительно связывал это сообщество с правителем или сводом законов. Подобное социально и политически значимое целое предполагало наличие «общей воли», политическая наука становилась плодом общей приверженности этому целому и принципам, которые это целое в себе воплощает: характерно, что распространению категории «нация» и феномена национализма способствовала не столько сила национального государства, сколько углубляющийся разрыв между народом и государством (Э. Дюркгейм).

Суверенитет стал проблемой не только централизованного государственного аппарата и участников борьбы за власть, но и возможного представительства народа в коллективном действии, что стало важным условием современного понятия легитимности: в ходе революций нация активно утверждалась в качестве суверенной сущности.

Нации, в ходе борьбы и становления оставшиеся без территорий, теперь уже не имели права создавать собственную государственность и вынуждены были вливаться в более крупные, имперского типа образования. Парадоксальным образом пространства на обширной Земле для всех не хватало. Угроза передела территорий стала нависать над Европой и неоднократно осуществлялась в действительности в виде ужасных войн: идея «жизненного пространства» и его стесненности становилась побудительным мотивом к самым радикальным и безрассудным политическим действиям. Разумеется, этому способствовал и общий рост населения, как в Европе, так и в мире в целом.

Пересекающиеся взаимодействия государственных национальных и транснациональных «панидей» осуществлялись преимущественно в пространстве, во времени же сохраняя удивительную живучесть и неизменность, куда-то исчезая и возрождаясь вновь, повторяя уже имевшие место

влияния и аффекты, (на что обратил внимание Хаусхофер). В отличие от государства нация – органическая, т.е. естественная, природная субстанция. Придание ей политических функций, по традиции выполняемых государством, неизбежно вело к высвобождению прежде скрытых стихийных сил. Нация по сути своей оказалась иррациональной, государство же в принципе – рационалистичным.

Но отношение к границе, если оно допускает в ее оценках и определении иррациональную мотивацию, может сделать ненадежным также и все рассчитанные и юридически обеспеченные договоры и соглашения: в понимании нации пространство представлялось бесконечным и одновременно доступным осознанию и освоению. Условное единство нации также ничем не могло быть подтверждено и гарантировано, а следовательно, и ее отношение к соседним пространствам (не пустым, но чужим) оказывалось также непредсказуемым.

Эпоха роста национальных государств была эпохой непрерывных войн, напомнив о средневековых временах междоусобиц и религиозных конфликтов. Затишье конца XIX века (если не принимать во внимание продолжающиеся колониальные войны) оказалось недолгим, и в грохоте двух мировых войн вновь зазвучали имперские мотивы, прикрываемые лозунгами «мирового порядка» или «всемирной демократии». Национализм превратился в империализм нового типа, когда интересы только одной нации представляются как всеобщие и глобальные. Мировые державы увидели свое «жизненное пространство» теперь уже в масштабах всей Земли, в любой точке которой могут быть затронуты их интересы. Территория супердержав захватывает даже космос. Начали делить лунную поверхность. Нормы международного права уверенно провозглашают свой приоритет над нормами национального законодательства, если государство, его принявшее, не в силах реально противопоставить свой суверенитет глобалистскому влиянию.

Суверенитет государства всегда гарантировался реальной силой и потенциальными возможностями этого государства, и защита территории всегда оставалась его важнейшей функцией. Правовое оформление суверенитета, разумеется, создавало образ государственности, способной к самостоятельному существованию. Территория государства была тем пространством, где такой суверенитет оказывался реальным. Но экономическое проникновение чужих сил и влияние на это пространство неизбежно влекло идеологические и политические трансформации в системе самой национальной государственности, если это влияние не подвергалось корректировке и нормированию. Прежде границы взламывались под воздействием религиозных и революционных идей, затем пришла очередь рынков и кредитов. Военное

вторжение все чаще остается чрезвычайным, но не особенно редким способом воздействия: логика действий «мировой общественности» и «мирового правительства» вовсе не исключает его применения. Продолжит ли свое существование имперская форма в образе национального «империалистического» государства, распространяющего свою гегемонию на весь остальной мир или в виде союзного образования, обладающего той или иной степенью централизованности власти и соответствующей «панидеей», видимо, покажет не очень уж отдаленное будущее. В ситуации, когда «тотальность» сменяется «глобальностью», идеи нации и национальной империи, казалось бы, давно ушедшие в прошлое, могут вдруг оказаться способными возродить более человеческое отношение к тому пространству, той территории, на которых нации проживают, вспомнив такие забытые понятия, как «Отчизна», «Родина-мать»: если воспринимать государство не как внешнюю и чуждую человеку силу, а как Родину и Отечество, то вполне возможно вернуться к состоянию, по которому нормальный человек на Земле все еще испытывает ностальгию.

На «шахматной доске» современной геополитики всякое отклонение государственных границ от реальных геополитических чревато возникновением напряженности и конфликтов. «Поскольку геополитика есть игра с ненулевой суммой, позиция выигрышная для одной из сторон не обязательно является проигрышной для другой»²⁸, и это весьма характерно для геоэкономики, представляющей проблему границ в совершенно ином, нетрадиционном плане.

Глобальная система в идейной перспективе устраняет понятие границы, а национальную территорию заменяет виртуальным пространством нового мира. В рамках этой концепции национальное государство должно будет уступить место империи нового типа, унифицирующей все пространство экономически и политически. Как ни странно, но эти положения хоть и стали уже общим местом в геополитике, и тем не менее не вызывают видимой тревоги у традиционно национальных, прочно укорененных в своей территории государств.

Материал поступил в редакцию 2 октября 2012 года.

²⁸ *Переслегин С.* Законы геополитики // Классика геополитики. XX век. С. 706–707.